

УДК 273.99

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ И ОБНОВЛЕНЧЕСКИЙ РАСКОЛ В РОССИИ В 20-е гг. XX в.

*В.А. Кудашкин**, канд. ист. наук
Н.С. Осипов, аспирант
БрГУ, Братск

В статье рассматривается малоизученная проблема – «обновленческий раскол» в Русской Православной Церкви в 20-е гг. XX в.

Ключевые слова: православная церковь, международные отношения, обновленческий раскол, Россия в 20-е гг. XX в.

В начале XX века в Русской Православной Церкви произошел серьезный раскол, разделивший священнослужителей и прихожан на «тихоновцев» и «обновленцев». Полтора десятилетия междуусобиц и более 70 лет непростых взаимоотношений между Русской Православной Церковью и советским государством – эти факторы оказали серьезнейшее влияние на всю дальнейшую деятельность РПЦ.

В те годы были закрыты и уничтожены более половины существовавших до Октябрьской революции 1917 года храмов и монастырей, подвергнуты репрессиям и расстреляны тысячи священнослужителей и рядовых верующих. В этих условиях обновленческий раскол 1920-1930 гг. стал наиболее активной формой противостояния епископской и патриаршей власти и отразил стремление священников-реформаторов к коренным изменениям в богослужбном уставе и в церковной жизни в целом. Внутри обновленческой церкви складывались свои правила и уставы, появлялись традиции и нововведения, которые повлияли на образ жизни и религиозные воззрения верующих. В условиях утери обществом идеологических ценностей и стремления к разрушению всего старого, «царского», обновленческий раскол явился отголоском революции в Церкви.

Актуальность исследования внутрицерковных отношений этого периода связана с нынешним повышенным инте-

ресом к истории православия в целом. Период обновленческого раскола в РПЦ – это период испытаний, когда исконное русское православие отстаивало свои принципы и традиции, каноны и уставы, защищая их от посягательств обновленцев.

Для России Православная Церковь – это не только религиозная организация, но и неотъемлемый элемент истории и национальной культуры. Православная Церковь сопровождает русского человека в течение всей его жизни, от рождения (крещение) до смерти (отпевание). Этот порядок был нарушен в годы революционных смут, когда в умах людей возобладали земные ценности. Но все же в критический для русского народа период – годы Великой Отечественной войны – советское государство обратилось за помощью именно к православному патриарху, и церковь многое сделала для пробуждения патриотических чувств советских людей.

В настоящее время государством уделяется огромное внимание Русской Православной Церкви. Показательным примером можно считать церемонию прощания со Святейшим патриархом Московским и всея Руси Алексием II, в которой приняли участие многие видные государственные деятели. Это говорит о многом.

В мае 1923 года британское правительство выступило с меморандумом, в котором от имени всего цивилизованного

* - автор, с которым следует вести переписку.

мира осуждалось гонение на церковь в СССР.

Следовало успокоить мировую общественность и с помощью какого-нибудь влиятельного православного иерарха внушить ей, что «демократическое духовенство» есть и будет ядром Русской Православной Церкви, что все остальные течения – ничто иное, как ересь. И что патриарху Тихону для блага Церкви следует отречься от церковного престола и удалиться от дел.

Найти подходящего кандидата для выполнения этой миссии не составило труда. Им стал Вселенский Патриарх, архиепископ Константинопольский Григорий VII.

Вселенский Патриарх был строгим поборником каноничности. К примеру, в апреле 1924 года он выступил жестким судьей Архиерейского Синода Русской Православной Церкви за границей. По определению Синода Вселенского патриархата, существование и деятельность Русского Синода в чужой области, согласно церковному праву, никакой канонической силы не имели. Русские иерархи, находившиеся в Сербии и на других нерусских территориях, не имели никакого права на исполнение там пастырских обязанностей.

Используя каналы внешней связи, Евдокимовский обновленческий Синод [1] официально пригласил Григория VII посетить Россию самому или направить представительную комиссию. Патриарх Григорий решил послать особую миссию. (Помимо Вселенского Патриарха, Евдокимовский Синод разослал послания остальным восточным патриархам и предстоятелям всех автокефальных церквей с просьбой о восстановлении якобы прерванного общения с Русской Православной Церковью).

Уже 6 июня 1924 года Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Тихон получил письмо от представителя Вселенского Патриарха Григория VII в Москве, архимандрита Василия (Димопуло) с выписками из протоколов заседаний Священного Синода Константинопольской

Церкви. Как говорилось в документах, патриарх Григорий, «изучив точно течение русской церковности и происходящие разногласия и разделения, для умиротворения дела и прекращения настоящей аномалии» решил послать в Москву «особую миссию, уполномоченную действовать на месте на основании и в пределах, определенных инструкцией, согласных с духом и преданием Церкви» [3]. В инструкции выразилось пожелание, чтобы патриарх Тихон «ради единения и ради паствы пожертвовал собою, немедленно удалившись от управления Церковью, как подобает истинному и любвеобильному пастырю, пекущемуся о спасении многих, и чтобы одновременно упрямилось, хотя бы временно, патриаршество как родившееся во всецело ненормальных обстоятельствах, в начале гражданской войны, и как считающееся значительным препятствием к восстановлению мира и единения» [2].

Это послание было составлено из протокола заседания Священного Синода в Константинополе «О проявлении церковного движения в России «Живая Церковь» 17 апреля 1924 г. Священный Синод выслушал вышеизложенную речь Его Святейшества и обсудил ее, разделяя вполне взгляды и чувства Его Святейшества к благочестивому русскому народу и его Правительству. Священный Синод согласился с патриаршим предложением о посылке особой миссии в Россию.

Есть один интересный факт: патриарх Григорий VII пошел на выполнение всех требований со стороны руководства СССР (руководство СССР всячески оказывало помощь обновленцам в установлении связей с международным православием, признанием им обновленцев, как законным органом управления Церковью в СССР, и тем самым намеревалось покончить с патриархом Тихоном) в надежде на то, что подписанный большевиками мир с Турцией облегчит положение православных верующих в мусульманских странах. А его личное участие в политическом спектакле гарантирует

выполнение обязательств со стороны советского государства.

Послание патриарха Григория VII смутило и опечалило Тихона. В ответном послании патриарх Тихон отклонил неуместные советы своего собрата: «Всякая попытка какой-либо комиссии без сношения со мной, как единственно законным и православным первоиерархом Русской Православной Церкви, без моего ведома незаконна, не будет принята русским православным народом и внесет не успокоение, а еще большую смуту и раскол в жизнь и без того многострадальной Русской Православной Церкви. Последнее будет только в угоду нашим схизматикам – обновленцам, вожди которых ... запрещены мною в священнослужении ... и объявлены находящимися вне общения с Православной Церковью ... Народ не со схизматиками, а со своим законным православным патриархом. Ваш предшественник, блаженной памяти Патриарх Герман V, как и другие Восточные Патриархи, особыми грамотами приветствовали как восстановление у нас на Руси патриаршества, так и лично меня» [1].

После обмена посланиями патриарх Григорий VII прервал общение с патриархом Тихоном и впредь сносился с Евдокимовским Синодом как с якобы законным органом управления Русской Православной Церковью. «Авторитет Патриарха Константинопольского у нас привыкли почитать только на бумаге... Когда же авторитет коснулся живой жизни и стал против ее уродливого течения, то и его игнорировать оказалось не труднее, чем и постановления Собора. Вмешательство Вселенского Патриарха в дела русской церкви патриарх Тихон отверг» [1], – писали в то время обновленческие издания. Его примеру последовали, но без колебаний и давлений со стороны, и другие восточные патриархи. Поддержка обновленческого раскола восточными патриархатами была серьезной бедой для русской церкви и таила в себе опасность для вселенского православия. На 1925 год был назначен созыв Все-

ленского Собора в Иерусалиме, который мог бы превратиться в лжесобор, подчинившись воле русских обновленцев.

Еще 6 мая 1924 года Священный Синод Вселенской Патриархии утвердил членов миссии для отправки в Россию. Еще до ответа на послание патриарха Григория VII позиция патриарха Тихона в отношении миссии в России была ясна – патриарх Тихон признавал действия миссии в России без его ведома незаконными. Но его мнение не было принято во внимание. Патриарха Тихона не считали законной властью в Русской Православной Церкви, признавался вместо него обновленческий Синод. В эту миссию вошли известные иерархи: митрополит Никейский Василий, митрополит Фиатирский Герман, обер-секретарь Вселенского Патриарха митрополит Сардский Герман. Обязанности советника миссии были возложены на протонотария Вселенского трона Христо Папаиоанну.

Патриарх Григорий VII определил, что миссия должна опираться на церковные течения, верные правительству СССР.

Патриаршество, по мнению Вселенского Патриарха, следовало упразднить хотя бы временно, как значительное препятствие к восстановлению мира и единства в Русской Православной Церкви.

Эти решения Григория VII строго соответствовали государственному замыслу по укреплению обновленческой и ликвидации патриаршей Церкви.

Эти положения по работе миссии были зафиксированы в протоколе заседания Святейшего Синода в Константинополе «Об основах работы патриаршей миссии в СССР» 6 мая 1924 г. (см. приложение 1).

Работа миссии в России усилила пошатнувшееся было «церковное обновление».

Надо отметить, что под церковными кругами, верными правительству СССР, подразумевалась лишь «Живая Церковь», которой в государственном политиче-

ском плане отводилось лидирующее место.

Как уже говорилось выше, на 1925 год был назначен созыв Вселенского Собора в Иерусалиме. В июне 1924 года на «великое предсоборное совещание», проводимое обновленцами, съехалось 400 делегатов, среди них 83 лжеепископа, из которых 40 некогда были православными архиереями, а также представители Константинопольского и Александрийского Патриархов [1]. 23 июля на открытии совещания в храме Христа Спасителя почетным председателем избрали Патриарха Константинопольского Григория VII, а председателем – лжемитрополита Евдокима. Зачитывались приветствия от восточных патриархов, от Грузинской и Сербской Церквей. Как и на прежних раскольничьих сборах, святейший патриарх Тихон обвинялся в церковных нестроениях. «Отныне бывший патриарх Тихон – глава секты», такое заключение сделано было на основании признания обновленческого синода восточными патриархами. Евдокимовский Синод, «в силу признания его связи с Всероссийским ВЦУ, избранным на Соборе 1923 г., и ввиду признания его Вселенскими Патриархами», считается «единственным канонически законным высшим органом управления Российской Православной Церковью» – еще один тезис из принятой на совещании резолюции [1].

Результатом работы этого предсоборного всероссийского совещания было принятие «Постановления Великого всероссийского Предсоборного совещания об отмене института патриаршества» 23 июля 1924 г. (см. приложение 2). В «Постановлении...» говорилось, что «Предсоборное совещание считает необходимым восстановить древне-канонический митрополитанский строй с его регулярными ежегодными Соборами, требуемыми по канонам... Институт патриаршества, этот нарост на теле Церкви, был источником огромных бедствий – нестроение, разделение Церквей, русский раскол старообрядцев, наша современная разруха... самый институт Патриаршества

должен быть окончательно изжит у нас и бесповоротно и навсегда похоронен в могиле исторического забвения, откуда он случайно и ошибочно был недавно извлечен в тяжкую минуту нашей растерянности и упадка духа, отчего мы теперь и можем считать себя окончательно освободившимися» [2].

Волнения по поводу церковного раскола в России испытывали и в других православных поместных церквах. В феврале 1924 года русские приходы посетила делегация Иерусалимского патриарха. Ее члены оценили ситуацию в России объективно, о чем секретарь Иерусалимского патриарха Константин Григориади уведомил Курского архиепископа Иннокентия («тихоновской» направленности). Членов делегации было 12 человек.

В «Отчете членов Патриархата Восточных Православных Церквей и православного Палестинского общества о посещении православных храмов в России и обращении к правоверным архиереям» от 23 июля 1924 г. сообщалось: «До нашего сведения дошло, что в России полный развал церкви, и незаконным собором осудили Главу Российской Православной Церкви Св. Отца патриарха Тихона... Мы посетили в России свыше 200 городов, и первенства воздали лишь правоверной Православной Церкви, возглавляемой священным патриархом Тихоном и его митрополитами, архиепископами и епископами... обновленцы, «живоцерковники» и т. д. ничто иное, как еретики». Митрополит Евдоким назван «монахом, отдавшимся служению не Христу, а дьяволу».

«Охраняйте Главу Православной Церкви Св. Отца Патриарха Тихона и молитесь о нем день и ночь, – говорится далее. – Это великий страстотерпец в гонении за веру Христову. Св. Восточная Православная Церковь молится день и ночь о здравии и спасении Св. Отца Тихона и всей Российской иерархии... Благословение Гроба Господня да пребудет с Вами во все дни до скончания века. Аминь. Уведомите о сем Патриархат Ваш

и епархию. (подпись) Член Православного Палестинского общества и Верховный Секретарь Патриархата Иерусалимского Константин Григориади».

В этот же день, 23 июля 1924 г. патриарх Тихон был извещен о письме Константина Григориади и отправил ответ на это послание. В «Ответе патриарха Тихона на обращение Патриархата Восточных Православных Церквей» от 23 июля 1924 г. говорилось: «Благодарю за выражение чувства верности Святой Церкви Православной и преданности Нам. Просим верить, что мы не пойдём на соглашение и уступки, которые поведут к потере чистоты и крепости православия». Патриарх также подчеркнул, что он прекращает переговоры о примирении с обновленцами и считает недействительным организованное Высшее Церковное Управление.

Письмо Константина Григориади стало известно не только патриарху, но и ОГПУ, и это обстоятельство ускорило привлечение Вселенского Патриарха к поддержке обновленчества.

После смерти патриарха Тихона все Церкви, поддерживавшие его, отдали предпочтение Местоблюстителю патриаршего престола Петру (Полянскому), а потом и сменившему его Сергию (Старгородскому).

В Европе и Америке тогда раздавались многочисленные протесты против гонений на Русскую Православную Церковь. Так, 2 февраля 1930 г. папа Пий XI обратился к верующему миру с призывом молиться о спасении Русской Церкви [3]. Советская власть расценила этот призыв к силам международного империализма, как «Ответ патриарха Тихона на обращение Патриархата Восточных Православных Церквей» от 23 июля 1924 г. и начало организации крестового похода на СССР. Неодобание зарубежной общественности нарушало советские внешнеполитические планы. Срочно потребовалось авторитетное опровержение того, о чем писала зарубежная печать. Практическое осуществление этого мероприятия было поручено начальнику

III отделения секретно-политического отдела ОГПУ Е.А. Тучкову.

Уже 15 февраля 1930 г. митрополита Сергия, Местоблюстителя патриаршего престола, обязали выступить на пресс-конференции перед иностранными и советскими корреспондентами с заявлением об отсутствии гонений на Русскую Православную Церковь и лояльной политике по отношению к ней со стороны государства. Местоблюститель митрополит Сергий вынужден был дать согласие, получив заверения от властей о возможности нормализации церковной жизни. Все требуемое Русской Православной Церковью митрополит Сергий изложил в письме из 21 пункта на имя Председателя комиссии по делам религиозных культов при Президиуме ВЦИК П.Г. Смидовичу. 19 февраля это письмо дошло до адресата. Но удовлетворена была лишь одна просьба митрополита Сергия: разрешено издавать ежемесячный журнал Московской Патриархии (просуществовал до 1935 г., возобновлен в 1943 г.). Остальные пункты, как то: снижение страхового обложения церквей; прекращение взимания сбора за страхование певчих; отмену обложения церквей различными сельскохозяйственными и другими продуктами, а также хозяйственными сборами; запрет на приравнивание к кулакам членов приходов, церковных старост, сторожей и других лиц, обслуживающих местный храм, и обложение их усиленными налогами; запрет на произвольное обложение доходами; право служителей культа иметь квартиру в пределах своего прихода и около храма в сельских местностях; разрешение детям духовенства учиться в школах 1 и 2 ступеней; открытие Высших Богословских курсов Православной патриаршей церкви в Ленинграде и т. д., – остались без внимания.

Также митрополит Сергий приводит в своем письме примеры. По поводу 15 пункта прошения, где митрополит Сергий просит, «чтобы при назначении трудовых повинностей принимался во внимание как сообразный со здоровым размером размер налагаемой повинности» [2],

приводится следующий пример: «на священника села Люк Вотской области наложено срубить, распилить и расколоть 200 кубов дров» [Там же]. По словам митрополита Сергия, эта повинность несовместима с его состоянием здоровья в связи с пожилым возрастом.

Еще можно привести такой пример из этого письма. В пункте 11 митрополит Сергий пишет: «чтобы при обложении доходов плата не назначалась произвольно, иногда вне всяких возможностей (например, в Ижевске на епископа Синезия Зарубина наложено 10.300 р. И потом еще 7.000 р. С сотнями в качестве аванса на будущий год), и чтобы обложение приравнено было к лицам свободных профессий» [Там же].

Советская власть, выполнив все требования митрополита Сергия, изложенные в его письме, обеспечила бы Церкви фактически свободу действий и негласное признание ее как равноправного элемента советского государства. Как мы видим, в советском государстве для Церкви места не было. Разрешив лишь издавать журнал Московской Патриархии, советская власть как бы и выполнила свое обещание митрополиту Сергию, но в то же время, это был хорошо продуманный ход: письмо митрополита Сергия дошло лишь через 4 дня после его выступления на пресс-конференции с журналистами.

Реакция на выступление Сергия на пресс-конференции большей частью духовенства в России и за границей была отрицательной. Парижская газета «Возрождение» писала 13 марта 1930 г., что в России теперь ряд священников вообще перестал помянуть имя митрополита Сергия [3].

Стоит обратиться к сохранившемуся интервью митрополита Сергия представителям советской печати о положении православной церкви в СССР. Интервью было записано 15 февраля 1930 г. Первый вопрос: «Действительно ли существует в СССР гонение на религию, и в каких формах оно проявляется?». Ответ, конечно, был для многих ошеломляющим – «гонения на религию в СССР никакого

не было и нет!»! Но все прекрасно понимали, что митрополит Сергий следовал установкам советских руководителей. Особенно удивил ответ митрополита Сергия на пятый вопрос: «Соответствуют ли действительности сведения, помещаемые в заграничной прессе, относительно жестокостей, чинимых агентами советской власти по отношению к отдельным священнослужителям?». Ответ был таков: «Ни в какой степени эти сведения не отвечают действительности. Все это сплошной вымысел, клевета, совершенно недостойная серьезных людей». Вопросы: «Как вы относитесь к недавнему обращению Папы Римского?» и «Как вы относитесь к выступлению архиепископа Кентеберийского?» глубоко возмутили русское церковное сознание. В этот же день был опубликован «Ответ Русской Зарубежной Церкви на интервью митрополита Сергия от 15 февраля 1930 г.». В этом документе были даны правдивые ответы на вопросы представителей печати.

Объективно оценить поведение митрополита Сергия сложно. Церковь находилась в очень трудном положении – внутренний раскол, гонения со стороны советской власти, непризнание патриаршей Церкви международным православием, – все это создавало предпосылки к дальнейшему кризису церковной жизни и полному исчезновению Церкви как общественного института. Трудно понять действия митрополита Сергия, но все же благодаря ему православная Церковь смогла преодолеть внутренний обновленческий раскол и укрепить казалось бы уже кризисное церковное положение. За границей многие не понимали действий русских церковных первоиерархов, но судить легко, находясь вдали от происходящих событий, поэтому лишь твердость – как патриарха Тихона, так и патриарха Сергия – сохранили истинную православную веру

Послереволюционное время принесло коренные изменения во все сферы жизни: политической, культурной и духовной. Общество раскололось на множество

групп, объединений, партий и т. д. Порой уставы и законы этих объединений противоречили друг другу, что вело к конфликту. В политической жизни это выразилось в гражданской войне, в церковной жизни – в борьбе староцерковников («тихоновцев») и обновленцев.

Конфликт внутри русской церкви назревал уже давно, но лишь в начале 1922 г. он достиг своего апогея. Группа священников-реформаторов открыто выступила за коренные реформы внутри РПЦ. Большевики в течение первых пяти лет своего пребывания у власти – гражданской войны и ликвидации разрухи – практически не вмешивались во внутренние дела церкви. Лишь после гражданской войны Советская власть начала постепенно уничтожать церковь, оказывая поддержку обновленцам, надеясь, что внутрицерковный раскол приведет к внутреннему разложению церкви и религии. Первоочередной задачей было уничтожение патриаршей власти, однако ее выполнение не увенчалось успехом. В эти тяжелые для церкви времена во главе ее стояли дальновидные иерархи, которые смогли сохранить русскую церковь консолидированной и защитить ее от посягательств властей.

Таким образом, первые годы раскола оказались тяжелыми для русской церкви. Многие священнослужители поддержали обновленцев и активно участвовали в различных обновленческих мероприятиях. Среди обновленцев были талантливые люди – А. Введенский, А. Левитин, В. Красницкий, восточносибирские митрополит Серафим (Мещеряков) и Венямин (Муратов) и другие. Однако успех «Живой церкви» был недолгим. Как и любой церковный раскол, обновленчество постепенно потеряло актуальность.

Неоднозначно восприняли ситуацию в РПЦ и заграничные православные первоиерархи. Многие из них отдали предпочтение и признали каноничным и законным органом высшей церковной власти в России обновленческие органы управления. Первым патриархом, признавшим обновленческий Евдокимов-

ский Синод высшей законной церковной властью в России, стал Вселенский Патриарх, епископ Константинополя Григорий VII. Его примеру последовали почти все восточные патриархи. Чуть ли не единственным из заграничных патриархов, поддержавшим Тихона, был Иерусалимский патриарх.

В ситуации внутреннего раскола РПЦ международное православие открыто выступило против патриарха Тихона и поддержало обновленцев, фактически встав на сторону большевиков. Лишь спустя некоторое время, когда обновленчество стало угасать и в конечном счете потерпело крах, международное православие признало патриарший институт законной церковной властью.

Обновленческий раскол в Русской Православной Церкви стал одним из важнейших факторов борьбы советского государства с религией, образно говоря, государственным заказом того времени. Раскол был спровоцирован высшими государственными чинами и активно ими поддерживался, но когда результат был достигнут, обновленческие деятели стали не нужны. Таким образом, они оказались лишены не только канонической власти, чтобы иметь возможность вести свою деятельность, но и поддержки верующих и священства, признавшего обновленческих первоиерархов и их органы управления лишь на первых порах. Обновленческие деятели оказались не в силах воплотить преобразования, привлекавшие простой народ и священнослужителей.

Непризнание патриаршей Церкви международным православием создавало предпосылки к дальнейшему кризису церковной жизни и полному исчезновению Церкви как общественного института. За границей многие не понимали действий русских церковных первоиерархов, но – легко судить, находясь вдали от происходящих событий. Лишь твердость духа – как патриарха Тихона, так и патриарха Сергия – позволила сохранить истинную православную веру.

1920-е годы – это период расцвета обновленческого движения, когда обнов-

ленцы пользуются повсеместной поддержкой мирян и священнослужителей, по всей России создаются обновленческие органы управления со своими архиереями. 2 мая 1923 г. в Москве в храме Христа Спасителя обновленцы проводят свой первый Собор, цель которого – пересмотреть все стороны христианской жизни. Но задачи, поставленные перед собором, не были решены, и после Собора, многие покинули обновленческие ряды и вернулись в лоно православной церкви.

К 1930-м годам в обновленческом движении назрел кризис, который впоследствии привел к краху обновленчества. Церковное обновление стало терпеть крах по многим причинам, среди них возвращение многих обновленцев в тихоновскую церковь и противодействие властей, но главное – борьба за власть в самом обновленческом лагере. Провозгласив в начале своей деятельности необходимость коренных изменений в Русской Православной Церкви, обновленцы

вскоре свели их на нет, тем самым показав неспособность к решительным действиям. Безусловно, этот факт оттолкнул многих священнослужителей и мирян.

Литература

1. Обновленческий Синод во время председательствования в нем обновленца – митрополита Евдокима Мещерского (1923 – 1924 гг.).

2. Цыпин В. История Русской Церкви (1917 – 1997). М.: Изд – во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. Кн. 9. С. 112

3. Русская православная церковь и коммунистическое государство 1917 – 1941 г. (документы и фотоматериалы) : [сб.] М.: Библейско – богословский ин-т святого ап. Андрея. 1996. С. 198.

4. Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943 – 1948 гг. М.: Рос. акад. наук, ин-т рос. истории, 2001. С. 36.

УДК 355. 231.31

ПОДГОТОВКА ОФИЦЕРОВ ЗАПАСА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв. (на материалах Восточной Сибири)

*Е. М. Кунжаров, канд. ист. наук
БрГУ, Братск*

В статье рассматривается система военного образования в дореволюционной России. Анализируется проблема подготовки офицеров-резервистов в восточной сибире на рубеже 20 века.

Ключевые слова: военная история России, система военного образования, институт офицеров запаса, Русско-японская война, Русская революция в Восточной Сибири, Иркутское военное училище.

После принятия в 1874 г. всеобщей воинской повинности встал вопрос о подготовке запаса военно-обученных людей. Основным источником пополнения офицеров военного времени стали лица, имеющие определенный образовательный ценз, а также зауряд-офицеры. Однако рост офицерского резерва сдержи-

вался ввиду нехватки грамотных людей. Так в Сибири грамотными были всего 12,3 % – 19,2% мужчин и 5,1% женщин. После русско-японской войны реформировалась и система подготовки офицерского запаса. Правда, несмотря на принятые меры можно констатировать, что вопрос о накоплении офицерского состава